

0719529-1

В печать  
Пер. с рукоп.  
31.2000

На правах рукописи

Чевела

Ольга Всеволодовна

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПАРИМИЙ  
И ГИМНОВ В СОСТАВЕ ТРИОДИ ЦВЕТНОЙ**

10. 02. 01 - русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Казань – 2000

Диссертация выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания  
Казанского государственного университета.

Научный руководитель - доктор филологических наук,  
профессор Г.А. Николаев

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,  
профессор Е. М. Верещагин,  
кандидат филологических наук,  
доцент Л.С. Андреева

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА  
КФУ



0000947721

Ведущая организация - Удмуртский государственный университет.

Защита состоится «8» декабря 2000 г. в 9 часов на заседании  
диссертационного совета Д. 053. 29. 13 по присуждению ученой степени доктора  
филологических наук в Казанском государственном университете (420008, г.  
Казань, ул. Кремлевская, 18).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Казанского  
государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Автореферат разослан «8» ноября 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного совета  
кандидат филологических наук, доцент

В.С. Дмитриева



Актуальность исследования. Книжно-славянский тип литературного языка включает в себя как оригинальные, так и переводные тексты. В последнее время изучение памятников древнеславянской переводной письменности привлекает пристальное внимание исследователей: активно разрабатывается текстология библейских и конфессионально-гимнографических текстов [Жуковская, 1976; Момина, 1976, 1992, Чешко, 1982; Алексеев, 1999], в обширном количестве работ описана лексическая вариантность [Львов, 1966; Верещагин, 1972; Цейтлин, 1977], при этом все чаще на первый план выдвигаются вопросы семантико-стилистического варьирования единиц одного из уровней языка [Верещагин, 1971; Новак, 1998]. Одним из приоритетных становится направление «перевод - оригинал» с решением ряда вопросов из области исторической теории перевода: меры его точности и свободы, особенностей принципов и техники [Верещагин, 1971, 1985; Алексеев, 1999]. Переориентация на изучение смысла многомерного сакрального текста способствует введению в научный обиход нетрадиционных методов исследования: так, с позиций онтологической теории смысла были исследованы древнейшие переводы Ветхого Завета [Камчатнов, 1998].

Все вышесказанное и обусловливает актуальность реферируемого диссертационного сочинения, объектом которого является памятник традиционного содержания Триодь Цветная. Являясь одной из книг, без которых не могло обходиться богослужение, Триодь включена в корпус первых славянских переводов: по мнению исследователей, часть материала Триоди была непосредственно переведена Кириллом и Мефодием, а затем дополнена их последователями [Попов, 1982, 123], (в житии Св. Климента, архиепископа болгарского, имеется историческое свидетельство о завершении им перевода Цветной Триоди [Карабинов, 1910, 117]).

Памятники традиционного содержания играли важную роль в становлении славянского литературного языка: при отсутствии нормативных грамматик и словарей образцовые тексты являлись единственным источником кодификации языковой нормы, следовать которой старались и оригинальные писатели [Алексеев, 1999, 6]. В дошедшем до нас рукописном наследии Триодь занимает третье место после Апостола и Миней, что свидетельствует о ее высокой идеологической значимости. В пирамиде средневековых жанров Триоди принадлежит одно из ведущих мест, согласно классификации Н.И. Толстого - второе место после конфессионально-литургической литературы [Толстой, 1988, 156]. Триодь играла важную роль в общественной и культурной жизни Древней Руси, под ее воздействием создавали свои произведения выдающиеся ораторы и церковные деятели: реминисценции из службы Вознесению есть в «Слове на Вознесение» Кирилла Туровского [ТОДРЛ. XV, 341]. Ряд фрагментов песнопений Триоди послужил основой для догматических споров: так, Константин Костенечский, обличая «хулы» в богослужебных книгах и приводя примеры нового, «исправного» перевода, сопровождается развернутыми комментариями, цитирует песнопения Цветной Триоди [Ягич, 1895. 412, 470. 481].

Актуальность данной работы определяет и неизученность Триоди собственно в лингвистическом аспекте. По традиции, заложенной И. Карабиновым [1910], приоритет остается за текстологическими исследованиями. С 70-х годов нашего столетия ведется активная разработка этого направления как отечественными, так и зарубежными языковедами [Момина, 1976; Попов, 1978]. Лингвистическая сторона процесса связана с выявлением узлов разночтений между списками (редакциями) Триоди и основана на сопоставлении с греческим материалом [Момина, 1973, 1982]. Следует отметить, что в поле зрения ученых чаще попадает первая часть богослужебной книги. Однако, Триодь остается практически неизученной: отсутствие научных изданий делают ее текст недоступным широкому кругу специалистов. Как отмечает М.А. Момина, «мозанчность» текста Триоди, неустойчивость и разнообразие ее состава делают Триодь памятником гораздо более сложным для изучения, чем Апостол, Евангелие или Псалтырь [Момина, 1982, 103]. В исторических словарях русского языка материал Триоди представлен незначительными вкраплениями, как отмечает М.А. Момина, Словарь старославянского языка Чешской академии наук совсем отказался от включения лексики из Триоди [Момина, 1982, 103].

В качестве основного списка в диссертационном исследовании используется рукопись XV в. Триодь Цветная из фондов библиотеки КГУ (№ 4633), далее - Казанская Триодь [Каз. Тр.]. Имеется лишь краткое описание рукописи, сделанное А.И. Артемьевым, который на основе палеографических данных и особенностей графики относит ее к XV веку [Артемьев, 1882, 160]. Исследователь отмечает наличие на бумаге водяных знаков «голова быка под (герцогскою ?) короной», однако датировать по ним рукопись в то время не представлялось возможным, так как в распоряжении исследователей не было альбомов Брике и Н.П. Лихачева. В советское время новое изучение памятника не предпринималось. На основании водяных знаков, имеющихся в рукописи: бычья голова, между рогами черта, заканчивающаяся цветком из пяти лепестков, на черте под рогами корона (ближе всего к образцам № 1202 - 1155, 1487 - 1485 гг., а также № 1189 - 1190, 1481 г. [Лихачев, т. II, 87]), можно уточнить датировку рукописи 80-ми годами XV в. На переплете рукописи имеется растительный орнамент, выполненный тиснением.

Благодаря разработанности текстологии Триоди [Карабинов, 1910; Попов, 1978; Момина, 1982, 1992] нами был установлен текстовый тип, к которому относится рукопись, на основании следующих классификационных признаков:

1. Состав памятника. История славянской Триоди сопровождалась постепенным усложнением ее состава: по классификации И. Карабинова, Казанская Триодь относится к IV-му типу, в ее состав включены паримии, апостольские и евангельские чтения, а также Синаксарий, переведенный впервые на Афоне в середине XIV в. [Попов, 1978, 403].

2. Структура службы. Наряду с песнопениями, чтениями из Священного Писания и Синаксарием, в состав Казанской Триоди входят краткие отрывки из церковного устава. Порядок служб в Казанской Триоди отражает

им. Н. И. Лобачевского  
Казанского гос. университета



Иерусалимский устав, тогда как в предшествующую эпоху служба происходила по Студийскому уставу: в состав памятника входит служба малых вечерен. Из славянских Триодей, сюда относятся те, которые появились в результате исправления на Афоне в XIV веке [Момина, 1983, 28]. Порядок совершения *Последования умовения* также отражает иерусалимский устав: умовение совершается после литургии, вне алтаря «*вѣштвеннаа литѣр҃га б҃гто Василѣа възмѣсто херувимъ вечери твоеѣ таниѣ.....по скончанїи (ж) амвоннѣа мѣлїтвы аше хоцѣтъ възїти оумовенїе исходитъ с҃ценни(к) облече(н) възнѣ великы(х) двѣрїи цр҃кви*». Как отмечает болгарский исследователь Г. Попов, главной причиной появления нового перевода богослужебных книг явилось введение иерусалимского типажа в литургическую практику восточноправославной церкви, которое ведет за собой изменение в составе и структуре службы [Попов, 1978].

3. Деленость - неделеность Триоди. Триодь деленая, начинается с Лазаревой субботы. Подобное деление имели еще два типа Триоди, употреблявшиеся у восточных славян: Гимовский и Киевский [Момина, 1982, 111].

Наконец, сам текст песнопений Казанской Триоди содержит новый перевод, наряду с переводом ряда других богослужебных книг появившийся в XIV в. на Афоне в ходе заранее спланированной книжной реформы [Попов, 1978]. Впоследствии именно этот перевод был канонизирован патриархом Евфимием и вошел в печатные издания. Этот тип Триоди, отражающий правку XIV в., принятую Евфимием Тырновским, М. А. Момина условно называет Афонским, или Евфимиевским [Момина, 1982, 116]. Паримии в составе Триоди также представлены текстом исправленной афонской редакции, наличие или отсутствие паримий в составе Триоди является важным типологическим признаком. Исследование Триодей этого типа имеет значение и для изучения истории бытования библейского текста у славян.

Изучение языка переводного памятника требует обращения к нескольким спискам. Наряду со списком XV века, который является основным, в диссертационном исследовании привлекается текст рукописей и печатных книг из фондов книжных хранилищ Казани и Москвы.

Выбирая в качестве объекта лингвистического исследования Триодь Цветную, мы исходили из следующих положений:

1. Текстовый тип, представленный в Казанской Триоди, возник в результате целенаправленной переводческой и редакторской деятельности и явился итогом многовековой эволюции богослужебного памятника: «памятник не является замкнуто цельным, неизменным текстом. Это открытая для дальнейших преобразований система, которая изменяется в связи с социальными потребностями общества» [Колесов, 1989, 12].

2. В своем подходе к языку памятника мы во главу угла поставили следующее теоретическое положение: редакция - это всегда сознательное изменение текста, преследующее те или иные цели. Перевод - это всегда интерпретация в силу того, что понимание входит в самую природу слова [Камчатнов, 1998, 139].

совмещение в одной системе различных текстов (жанров), принадлежащих к одной редакции, дает возможность обнаружения единой техники перевода.

3. Изучение языка и стиля богослужебных и канонических текстов, новый перевод которых возник на первой волне «второго южнославянского влияния», под непосредственным византийским влиянием [Лихачев, 1958], способствует преодолению сложившейся в науке односторонности в описании этого процесса: внимание исследователей либо концентрируется на графико-орфографических особенностях, новшества в лексике почти не принимаются во внимание [Кайперт, 1991, 95], либо сосредотачивается на изучении оригинального творчества представителей нового литературного стиля - Епифания Премудрого, Григория Цамблака, Евфимия Тырновского.

4. Каждая рукопись является уникальным источником по истории русского литературного языка, так как редакторы и писцы являлись «соавторами» создателей греческих оригиналов [Лихачев, 1983, 25].

Непосредственным предметом изучения является функционирование в тексте единиц различных уровней системы языка как элементов стиле- и текстообразования.

Цель диссертационной работы: изучение приемов текстопостроения и лингвостилистических особенностей перевода двух типов текстов, входящих в состав Триоди: паримий и гимнов. Для достижения поставленной цели нами выдвинуты частные задачи исследования:

1. Описать динамические процессы в тексте паримий и гимнов Цветной Триоди с выявлением варьирующихся единиц различных уровней и подсистем языка: лексики, словообразования, синтаксиса. Вскрыть основные тенденции варьирования языковых единиц в разновременных славянских переводах.

2. Проанализировать сложные взаимоотношения между переводом и оригиналом, определить меру его точности и свободы, специфику переводческой техники, уровень переводческого мастерства.

3. Охарактеризовать основные способы текстопостроения и риторические приемы в переводе Цветной Триоди.

4. Провести анализ сложной смысловой структуры многомерного сакрального текста.

Перечисленные задачи решаются в рамках комплексного исследования при использовании сопоставительного, исторического и герменевтического методов.

Сопоставительный метод привлекается при анализе греческих соответствий и их славянских эквивалентов в тексте Триоди, в работе используется терминология, разработанная Е. М. Верещагиным [Верещагин, 1971, 1972, 1985, 1997] и основные положения исторической теории перевода, обобщенные в работе А.А. Алексеева [Алексеев, 1999].

Только обращение к разновременным спискам одного и того же памятника позволяет выявить новаторство и преемственность нового перевода, установить

основные тенденции языкового варьирования, что обусловило применение в данном диссертационном исследовании исторического метода: текст Казанской Триоди XV в. анализируется путем сопоставления с текстом древнейшего перевода по рукописям XIII-XIV вв., намечаются основные вехи дальнейшей эволюции памятника.

Варьирование лексики, словообразовательных и синтаксических моделей в разновременных славянских переводах было обусловлено рядом различных факторов: внутренними законами исторического развития самого славянского языка, перемещением центра переводческой деятельности с одной славянской территории на другую и т. д. Кроме того, когда речь идет о переводе культового, библейского или богослужебного текста, первостепенное значение имеют изменения в общественной жизни, развитие философской (богословской) мысли этого времени, наконец, собственно групповые интересы замкнутого круга лиц, которыми был сделан тот или иной перевод. Наконец, различная интерпретация оригинала в разновременных славянских переводах богослужебных текстов тесно связана с наличием библейской многозначности и нескольких уровней осмысления сакрального текста, в котором, начиная с Филона Иудея и Оригена, выделяются три уровня: буквально-исторический, отвлеченно-нравоучительный и идеально-мистический. С этой проблемой связано «узнавание» переводчиком параллельных мест и цитат Св. Писания в тексте, парафразирование исходного греческого текста и т. д. Вышеперечисленными факторами и определяется область применения герменевтического метода, терминологический аппарат дается в соответствии с классическими отечественными исследованиями в этой области [Саввантов, 1844].

Научная новизна диссертационного сочинения определяется следующими моментами: совершенной неизученностью рукописи, неизученностью в лингвостилистическом аспекте переводов богослужебных книг, а также самим подходом к исследуемому материалу.

Теоретическая и практическая значимость работы. Изучение разночтений между списками славянской Триоди позволяет сделать важные выводы по истории славянского книжного языка, проследить становление и изменение языковой нормы. В этом отношении исследование произведений переводной письменности обладает особой значимостью: соотношение между переводом и оригиналом позволяет выявить характер взаимодействия языков, принадлежащих к одному культурно-историческому ареалу, своеобразие рецепции принимающего (т.е. славянского) языка. Положения и выводы, содержащиеся в реферируемом диссертационном сочинении, могут быть использованы при построении общих и специальных курсов по истории русского литературного языка, исторической лексикологии и семасиологии.

Изучение Триоди имеет значение для смежных областей науки. Литературоведения и византистики. Используя риторические приемы и образные средства библейских текстов и литургической поэзии, славяне создавали собственные оригинальные произведения. Наблюдения над эволюцией памятника позволяют сделать выводы, важные для критики греческого текста.

так как славянский перевод может быть свидетелем несохранившейся греческой рукописной традиции. Отдельные положения, содержащиеся в работе, имеют практическую значимость для библиистики и литургики и могут быть использованы в критике текста славянской Библии и связанного с ней богослужебного типа.

Апробация работы проводилась: на межвузовской конференции в мае 1992 года (Самара), на церковно-научной конференции «Христианская история и культура на пороге третьего тысячелетия» 4 - 7 октября 1999 года (Казань), на церковно-научной конференции «Двухтысячелетние традиции христианства в богословии, истории и культуре» 18 - 20 октября 2000 года (Казань), а также на итоговых научных конференциях в Казанском государственном университете.

**Структура диссертации.** Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

**Содержание работы.** Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы и направления исследования, представляется объект изучения, отмечается научная новизна диссертационного сочинения, определяются цели, задачи и методы исследования, мотивируется структура работы, указывается теоретическая и практическая значимость диссертации.

**Глава 1. «Лингвостилистические особенности перевода паримий в составе Триоди».**

Новый перевод паримий, содержащийся в Казанской Триоди, был создан в ходе последовательно проводимой книжной реформы. В процессе сознательной правки (редактирования) сложилась новая система лексических эквивалентов, впоследствии воспринятая церковнославянским языком позднего периода.

Значительное обновление лексического состава происходит за счет нового перевода греческих слов и широкого использования соответствий неслужебной редакции. Последовательно устраняются архаичные формы и конструкции, ставшие неясными по значению слова, неточности древнейшего перевода, некоторые неудачные семантические кальки, например, изнемогатн 'быть невозможным', греч. ἀδυνατέω; главизна 'свиток', греч. κεφάλις.

Тенденция к обобщению традиций древнейших переводческих школ, свойственная новому переводу паримий [Пичхадзе, 1991], вела к параллельному использованию соответствий, сложившихся в функциональных разновидностях библейского текста - служебной и неслужебной редакциях. Многие из них являлись текстологическими дублетами [Цейтлин, 1977], совмещение в пределах одной системы способствовало их превращению из дублетов в синонимы. Параллельное употребление дублетных форм (полъ - страна, видѣнїе - образъ, соупостатъ - соупротивный) вело к устранению монотонности изложения, свойственной текстам Ветхого Завета и углублению семантической перспективы.

При диахроническом варьировании уточняются семантические характеристики слов древнейшего перевода, многозначность которых во многом

складывалась под влиянием греческих оригиналов [Колесов 1985, 83], усиливается догматическое начало в ветхозаветном тексте. Отдельные случаи отступлений от исходной системы эквивалентов в тексте Казанской Триоди, не обусловленные собственно семасиологическими причинами, связаны с рационалистической критикой текста и развитием специальных наук - догматики, герменевтики, экзегетики. Имплицитно присутствующее в тексте символическое значение может быть эксплицировано различными способами - при помощи лексических замен, глосс и перифраз. При возможном соотнесении ветхозаветных событий с новозаветными поздний паримийный текст нередко ориентируется на слововыражение последних. В результате происходит превращение «параллелизма в мыслях» в «параллелизм выражения». Очевидно, значительную роль в этом процессе сыграли богослужебные памятники, организованные по календарному принципу: с XIII века у славян паримии начинают входить в состав Триоди, что давало возможность для постановки в непосредственной близости друг от друга формул различного жанрового происхождения, но связанных в содержательном плане.

Расширения исходного греческого текста дополнительными вставочными словами присутствуют на всех этапах бытования богослужебного памятника. Подобные глоссы связаны или с критикой текста, основанной на соотнесении параллельных мест, или же обязаны влиянию отечественной литературной традиции (например, появление парных сочетаний на месте одного греческого слова). В поздних списках расширение текста вызвано стилистическими требованиями эпохи - постановка украшающих эпитетов, раскрывающих духовный характер явления: въпѣть крепостію велию [Каз. Тр., 573] - βίᾱ μετὰ ἰσχύος; жаждѣице идѣте на водѣ живѣ [Тр. 1635 г. тѣѡ] - πορεύεσθε ἐφ' ὕδατος; замена слов предложениями и трафаретными выражениями: чѣкъ ходанъ пѣтемъ своимъ заблудн [Тр. 1648, рѣц], греч. ἀνθρώπος τῆ ὁδοῦ αὐτοῦ ἐπλανήθη, срв. Пс. 118, 3. Появление «усиленных» выражений связано с тесным взаимодействием формул из различных жанров в памятниках анфиладного типа. например, Дан III, 19: и раж(д)жена въ(с) печь седмь седмицею [Каз. Тр., 244] / древн. седмицею - ἐπτάπλασίως. Именно так передается ветхозаветная реминисценция в гимнах Триоди: гѣъ мѣителевъ понеже превъзможе, седмь седмицею, печь раж(д)жена въ(с) иногда.

Варьирование в дублетных чтениях свидетельствует о сохранении книжниками новой школы основной тенденции, идущей от первых славянских переводов: широкого варьирования при соблюдении пословного принципа перевода. Варьирование средств выражения вело к постепенной выработке стилистических корреляций: надѣатиса на има гнѣ - оутовати о имени гни, скръбѣю оуспнете - въ печали оуснете. Отдельные лексические замены в тексте Казанской Триоди вызваны стремлениями новых справщиков и редакторов вернуться к классическим нормам словоупотребления кирилло-мефодиевских переводов. Во многих случаях варьирование носит интерпретирующий характер, что обусловлено взаимодействием ряда факторов:

использованием нескольких славянских и греческих списков, опорой на разные святоотеческие толкования.

Важную роль в становлении синонимических отношений играли биномные группы *тма* и *облакъ*, *срєкро* и *цѣна*, *лѣто* и *время*, *взскресити* и *взстави*, в рамках которых у славянских слов вырабатывались общие признаки сходства, осваивались отвлеченные значения слов оригинала, что впоследствии приводило к свободной замене одного слова другим, непосредственно передающим значение греческого соответствия. Биномные группы действовали и дистантно, способствуя созданию гиперонимов. Одним из путей появления биномных групп в разновременных славянских переводах паримий было расширение текста независимо от греческого оригинала (*плачь и рыдание* и жалостное горе, греч. *θρήνος καὶ μέλος καὶ οὐαί*; исполнился *гнев* и *госрости* - *ἐκλήσθη θυμοῦ*). Последний путь создания синонимов наименее характерен для Казанской Триоды.

В качестве одного из элементов редактуры переводного памятника выступает стилистическая правка. Последовательная редакция затрагивает лексику, словообразование, формульный состав славянского текста и направлена на отбор языковых средств, ярко маркирующих книжный тип литературного языка. В тексте новой редакции происходят стилистические замены по типу «нейтральное - книжное» в рамках синтагмы [Колесов, 1989]. Ряд слов древнейшего перевода заменяется ранними и поздними сербизмами и болгаризмами: *коснити* вм. *мьдлити*, *орачь* вм. *ратан*.

В тексте паримий наблюдается усложнение словообразовательных моделей, которые носят ярко выраженный «книжный» характер. Словообразованию принадлежит ведущая роль в реорганизации текста: уточняются семантические характеристики слов древнейшего перевода, «значения» древнейших синкрет распределяются между различными словами, реализуется многозначность греческого оригинала. Усиливается роль словообразования в структурной организации текста, в качестве строительного материала используются единицы словообразования: синонимия производящего и производного, словообразовательные цепи.

Взаимоотношения между славянским переводом и его греческим оригиналом отличались достаточной сложностью. Часто славянский текст правился по разным, а то и нескольким оригиналам. Опора на различные оригиналы, например - совмещение канонической версии и толкования, встречающееся в тексте паримий Казанской Триоды (Ис. LII, 11), способствовала наиболее полной передаче смысла многомерного сакрального текста. Ряд переводческих решений в тексте новой редакции (Ис. LIII 2, 4) свидетельствует о хорошем знании славянским переводчиком масоретского текста. Отдельные разночтения между редакциями (Ис. LIII, 4: *тѣм грѣхъ наша носитъ / тѣ болѣзни наших носитъ*; Ис. LXI, 2: *тма и облакъ / тма и мракъ*) способны пролить свет и на историю новозаветного канона (Мф. VIII, 17), восстановить утраченные звенья цепи, связывающей воедино книги Ветхого и Нового Завета на всех трех языках - древнееврейском, греческом, славянском.

Элементы орнаментальной прозы в тексте паримий Триоди являются отражением стиля эпохи. В новой редакции происходит усиление экспрессивности выражения за счет увеличения числа однокоренных слов, употребления риторических оборотов различного типа. Определенное число этих изменений обусловлено тем, что древнейшая редакция не всегда следует своему оригиналу - Профитологию и не всегда адекватно отражает греческий текст. Характерной чертой славянского перевода паримий являлся лексический повтор, эта особенность была унаследована через посредство греческого текста от древнееврейского оригинала. В новом переводе тщательно передаются «усиленные» выражения оригинала, типа *οὔτρο οὔτρου* ‘каждое утро’, греч. *πρωί πρωί*, в то же время, буквальный повтор, призванный сосредоточить внимание на теме и придающий некоторую монотонность повествованию, в тексте новой редакции нередко устраняется в результате использования синонимов. Нередко происходит и обратная замена нескольких славянских слов одним, при этом повторялись слова ключевые, значимые для содержания текста и реализации его символического подтекста. В границах текстового блока такие слова становятся гиперонимами, способными в самом общем виде передать содержание, в древнейшем переводе распределенное между значениями различных славянских соответствий.

Наблюдается целенаправленное сближение с оригиналом на всех уровнях языка: передача прямого, первичного значения слова вместо контекстного, переносного, соблюдение «греческого» порядка слов. Для текста паримий Казанской Триоди характерно приближение к моделям оригинала - словообразовательным, синтаксическим, морфологическим.

Переводчики новой редакции стремились к точной передаче внутренней формы слов оригинала: *παράτρεψαι* - преогорчевати, *διαβήμα* - оувасти, *ἄδοξέω* - обезславитиса. Точная передача внутренней формы греческих слов позволяла сохранить неповторимую образность оригинала, например, передать прием олицетворения: *ἐκπρότεω* вѣтъвьми (о деревьях), греч. *ἐκπρότεω* ‘хлопаю, рукоплескаю’, вместо *ἐκσκολεβати*. Буквальная передача греческого слова или формулы используется в первую очередь тогда, когда в тексте оригинала находится поэтический троп или риторический оборот, например, *οξύμορον*. Ис ЛП, 14: тако ~~убе(з)славитсѧ~~ ѿ чѧкъ видѣнїе твоѧ и слаба твоѧ ѿ ѣновѧ чѧськы(х) [Каз. Тр., 170] - *οὕτως ἄδοξήσει* ..... *τὸ εἶδος σου καὶ ἡ δόξα σου*.

Наблюдается активизация словообразовательного калькирования. В Казанской Триоди адекватно передается ряд греческих *composita*, в то время как в тексте древнейшего перевода на их месте используются описательные обороты или простые слова, увеличивается число конфиксальных образований по образцу греческих.

Синтаксис традиционно относится исследователями к одному из самых устойчивых уровней языка, однако именно этот уровень памятника претерпевает значительные преобразования. В Казанской Триоди появляется значительное



количество «гречизированных» конструкций: конструкции с *иже* на месте греческого артикля, конструкции с *дательным сообществом*. Одной из функций употребления этих конструкций была функция стилистическая, отсутствие их в славянских языках приводило к тому, что подобные выражения воспринимались как «сугобо 'книжные' и 'ученые'» [Мещерский, 1962, 95]. Положительная сторона византийского влияния на синтаксический строй славянского языка состояла в активизации динамических процессов, потенциально заложенных в самом славянском языке: это сокращение конструкций с несогласованным определением, последовательно проводимая замена составного сказуемого формами глаголов на *-ся*.

## Глава 2. «Лингвостилистические особенности перевода гимнов в составе Цветной Триоди».

Текст песнопений, представленный в Казанской Триоди, по сравнению с текстом древнейшего перевода характеризуется рядом преобразований на различных уровнях системы языка - лексическом, словообразовательном, синтаксическом. Определенный слой славянских эквивалентов греческих слов сближает древнейшие переводы Минен и Триоди, восходящие к кирилло-мефодиевской эпохе; как отмечают исследователи, возможно отнесение перевода Триоди и служебной Минен к одной литературной (Охридской) школе [Нечунаева, 2000, 114]. В то же время, перевод этих же греческих соответствий в сербских минеях XV века совпадает со словоупотреблением Казанской Триоди. Новый перевод этих богослужебных книг также объединяет один переводческий центр: несмотря на то, что перевод Минен и Триоди был сделан разными людьми, даже в незначительном числе фрагментов выделяется обширный лексический пласт, свидетельствующий о наличии единой литературной нормы, например, *єдинородѣнѣи* / древн. *єдиночадѣи* греч. *μονογενής*, *независтнѣи* / древн. *неоскоудѣи*, греч. *ἄθρονος*, *оцѣшитель* / древн. *параклитъ*, греч. *παράκλητος*; *оцѣстилице* / *очищение*, греч. *καθάρτηριον*.

Для времени нового перевода Триоди на славянский язык характерен процесс распада семантического синкретизма [Колесов, 1989], что нашло широкое отражение в языке памятника. Синкретичная лексика древнейшего перевода заменяется однозначными по своей семантике образованиями: *мртвъ* - *мртвъць*, *дѣтель* - *дѣнство*. Лексические замены сопровождаются усложнением словообразовательной структуры слов в тексте позднего перевода, что способствует уточнению семантических характеристик слова, высвобождению его из контекста: *вѣжи* - *вѣжственѣи*, *носити* - *приносити*, *вѣзносити*.

Ряд изменений в тексте носит стилистический характер. Высокое достоинство содержания требует равного достоинства языкового выражения. Под влиянием этого фактора происходят лексические замены в тексте, преобразуются традиционные формулы, изменяются образные средства.

На всех уровнях языка: семантическом, словообразовательном, синтаксическом в тексте Казанской Триоди наблюдается целенаправленное



сближение с оригиналом. В тексте древнейшей редакции калькированию предпочитают другие способы перевода.

Калькирование затрагивает формульный состав славянского перевода. В тексте Казанской Триоди передается прямое, первичное значение греческого слова, тогда как в тексте древнейшего перевода - контекстное, переносное: излѣю ѿ ѧха възсѣати любащѣмъ бѣ(а)тъ независтноу / древн. неоскоуднѣю, греч. ἄφθονος 'независтливый', 'изобильный, богатый', образованное при помощи отрицательного префикса от φθόνος 'зависть, недоброжелательство'; въшеаъ еси на жрѣба / древн. възсѣдъ на жрѣба, греч. ἐπιβαίνω (ἐπι + βαίνω 'хожу, шагаю'); богатнѣа люди / древн. израднѣа люди, при передаче устойчивой формулы περιούσιος λαός 'избранный народ', где περιούσιος, от περιουσία 'избыток, обогащение' - слово, неизвестное классическому языку и в самом библейском греческом языке функционировавшее только с переносным значением 'выдающийся'.

Очевидна близость идеологических установок позднейших византийских писателей с их пристрастием «к поэтическому и вычурному способу выражений, пренебрежении их к словам обычным и прямо представляющимся известному пониманию» [Фокков, 1887, 102] новым переводчикам Триоди. Перенос смысловых связей наблюдается при передаче греческой формулы τῆς ἀμπέλου γέννηματος 'порождение виноградной лозы = вино' выражением винограда исчадѣ. Употребление γέννημα вместо καρπός 'было так же несвойственно классическому греческому языку, как и выглядевшее нарочитым употребление слова исчадѣ в значении 'плод' для славянского языка.

Терминотворчество новых переводчиков особенно ярко проявилось в создании словообразовательных калек и *composita*. Гимнография относится к одному из жанров, содержащих наибольший процент *composita* [Сперанский, 1960]. Большая часть новообразований приходится на долю философской (богословской) терминологии, в этом сказалось высокое предназначение гимнов как средства выражения идеологии и знания. Калькирование в новой редакции направлено на создание терминологии, строго соответствующей греческой, в то время как в тексте древнейшего славянского перевода исходный греческий текст часто парафразируется: оѣнсходно - πατροπρωβλήτως, древн. ѿ оѣа исходенъ, оѣерж(а)ствена - πατρογέννητου, древн. ѿ оѣа рождена, детотвореніе - παιδοποιία, древн. дѣти рожати. Точный перевод греческих слов позволял противопоставить священный язык обыденному, избежать нежелательных «человеческих» ассоциаций. Активизируется ряд словообразовательных моделей: с компонентом оѣе - (греч. πατρο-), с компонентом всѣ - (греч. παν-).

На месте ряда предложно-падежных форм древнейшего перевода появляются калки, точно передающие греческие конфиксальные образования. Калькирование стимулировало процессы, объективно заложенные в самом славянском языке. В тексте Казанской Триоди наблюдается активизация конфиксального способа словообразования. С помощью калек на *без-* и *не-* развивалась славянская апофатическая терминология, активное образование

которой стимулируется и поэтической формой песнопений, где догматы христианского вероучения облачаются в риторическую фигуру *оксюморон*. Главным критерием качества славянского перевода становится его соответствие с ортодоксальным учением: новые переводчики калькируют слова оригинала, чтобы не допустить искажения смысла, превратного истолкования.

В ходе нового перевода были выработаны на практике приемы, впоследствии положенные в основу литературного стиля «плетения словес» и получившие теоретическое обоснование у представителей школы перевода κατὰ λέξιν в его крайнем виде - Константина Костенечского, Евфимия Чудовского. Важнейшая функция сложного слова, которой новые переводчики уделяли первостепенное значение, состояла в том, что оно «держало на себе» текст, как центр словесного орнамента, в котором сходилась несколько мотивов. Одинаково важным является и этимологическое родство слов, и ложная этимология, облакаемая в игру слов, например - ἐμφορέω 'насыщаю, наполняю' и πνευματέμφορος, слав. дѣмонастыѣнъ 'исполненный Духа' (πνεῦμα+ἐμφορέω), вместо 'духоносный' (πνεῦμα+ἐμφέρω 'ношу, двигаю'), ἀπειρος 'неопытный', византийский 'безгрешный', слав. неискоусимъ и ἀπειρος 'беспредельный'.

Как и в тексте паримий, тщательно калькируются синтаксические конструкции оригинала. Последствия проводимой «грецизации» были двоякими: с одной стороны, наметилось последующее расхождение между церковнославянским и русским языком (конструкции с *-иже, дательный сообщества*). С другой стороны, преобразование ряда конструкций (замена согласованного определения *родительным прилагательным*) в тексте Казанской Триоди отражает естественную эволюцию сочетаний с согласованным определением в русском языке, имеющих одну «четко проявляющуюся направленность - сужение круга значений, выражаемых атрибутивными сочетаниями» [Историческая грамматика, 149].

Следуя сложившейся традиции, технику перевода, доступную многим, мы отличаем от переводческого мастерства, которое неповторимо и несет в себе отпечаток индивидуальности [Верещагин, 1972, 125]. В переводных славянских песнопениях содержится не только неповторимое поэтическое своеобразие, но и глубокое философское содержание. В основу гимнов положена аллюзия, «отсылающая» к событиям из Ветхого и Нового Завета [Верещагин, 1997, 184], а догматы христианского вероучения облачаются в причудливую игру «образов, слов и звуков» [Аверинцев, 1977, 178].

В славянских переводах гимнов отклонения от оригинала встречаются довольно часто, однако далеко не все из них могут быть расценены как явные ошибки. В тексте Казанской Триоди были устранены некоторые неточности старого перевода, основанные на смешении подобиозвучных слов: νότος 'юг, южный ветер' 'юг' и νοτῖς 'вода, влага'. В то же время, примеры смешения имен собственных и нарицательных, сходных по звуковому и графическому облику греческих слов встречаются и в новом переводе. Ряд отступлений от исходного оригинала демонстрирует творческий подход к переводимому тексту. Владея правилами герменевтического параллелизма, славянские переводчики интерпретировали оригинал с опорой на текст Священного Писания и учение

отцов Церкви. В свою очередь, варьирование в разновременных славянских переводах одного и того же греческого текста позволяет проследить и эволюцию философской (богословской) мысли.

Отступления от оригинала свидетельствуют о творческом подходе переводчиков к подлиннику, умевших увидеть наряду с явным и скрытый смысл, недоступный непосвященным. Ряд небанальных переводческих решений в тексте гимнов Триоди основан на игре греческих слов-паронимов, позволяющей удачно трактовать сущность предмета или явления, под воздействием этого фактора изменяются традиционные метафоры: «горы, источающие елей радости» (ἐλ' ἐλαίου ὄρη), слав. да точать веселяе крѣпкое мастиггельное горы в духе библейского историзма подменяются образом Масличной горы (Элеон) - ἐλ' ἐλαίου ὄρει, слав. да капають веселяа крѣпость на масничггѣн горѣ; метафорический образ связанной (бесплодной) утробы облекается в фигуру оксюморон: развръзе оутробоу безчадстѣющую дѣти / оузы, греч. παῖδας / πέδας. Эта особенность древнейшего славянского перевода тесно связана с фонетическими процессами в греческом языке византийского периода, неуклонно развивавшемся в направлении позднейшего церковного Рерхлиновского произношения.

Расширения исходного греческого текста дополнительными вставочными словами встречаются в различных жанрах, на всех этапах бытования богослужебного памятника. Подобные глоссы в тексте гимнов могут носить характер простого уточнения, восстанавливая подвергнувшееся эллипсису существительное, или же связаны с практикой рационалистической критики текста, основанной на соотнесении параллельных мест. Переводчики древнейшей редакции допускают большую свободу в обращении с греческим текстом, чем авторы поздней редакции, тем не менее элементы инвариантного перевода, равно как и отступления от него, присутствуют на всех этапах переводческой деятельности.

Перелагая гимны и молитвы на родной язык, наиболее талантливые из переводчиков щедро использовали весь арсенал византийской поэтики. В тексте гимнов Казанской Триоди тщательно передаются риторические приемы и фигуры речи, свойственные оригиналу, оказывая влияние на отбор языковых средств при переводе. В использовании ряда риторических приемов проявляется и независимость от исходного греческого текста. Многие выразительные особенности средневекового текста не сохранились в позднейших переработках.

В славянском переводе гимнов широко используются тропы и фигуры на основе однокорневого повтора - оборот *accusativus internus*, оксюморон, повторение форм слова (*полунтопюн*).

Однокорневой повтор в славянском тексте часто связан с передачей формальных и смысловых связей, существующих в оригинале. Одним из распространенных в тексте гимнов является оборот *accusativus internus*. Переводчики славянской Триоди не всегда буквально следовали конструкциям оригинала: так, в песнопениях Страстной седмицы формулой гвоздьми пригвоздитиса передается не только греческая формула на однокорневой

основе ἡλοῖς προσήλωθη, но и выражение с другим глаголом - τοῖς ἡλοῖς προσκλήνυται - глгоздым пригвождается.

Однокоренные слова используются в целях усиления сопоставления или противопоставления. Византийская поэтика чутко реагировала на совмещение противоположных планов [Аверинцев, 1977], через переводы с греческого эта черта была воспринята славянами. В качестве исходного тезиса могут использоваться библейские аллюзии и цитаты, антитезис формулируется во второй части стиха, например: испытѣаи ср(д)ца и оутробѣ, неправедно испытѣѣтся, срв. Иср. XI, 20: гдн соудн праведно испытѣа ср(д)ца и оутробѣ. Художественный эффект достигается за счет «обыгрывания» многозначности слова: испытѣати, испытѣвати 'испытывать, проверять', 'расследовать, допрашивать'. Под влиянием греческих оригиналов появлялись переносные значения, складывалась многозначность славянских слов. Использование словообразовательных антонимов способствует углублению антитезы: канафа же неволен (ἄκων) исповѣдѣтъ, ѿко единъ за всехъ принимаетъ смерть волею (ἐκούσιως), срв. Ин. XI, 50-51. «Поэтика однокорневых антитез» [Аверинцев, 1976] сочетается с другими риторическими приемами - рифмой, синтаксическим параллелизмом.

В тексте гимнов для иллюстрации догматов христианского вероучения широко используется риторическая фигура *оксюморон*, являясь идеальной формой для проявления антиномий христианства. Очень часто фигуру *оксюморон* образуют однокоренные слова с общей словообразовательной базой, одно из которых осложнено отрицательным префиксом, например: невидимъи (ἀόρατε) соудѣа, въ плоти видѣнъ бѣ(с) (καθωραίνης).

Не менее частотно в памятнике однокорневой повтор встречается там, где он не обусловлен структурой греческого оригинала. Эту характерную особенность церковнославянского перевода с греческого Н.К. Фокков называл паллилогией (παλλιλογία) [Фокков, 1886, 88]. Паллилогия сопровождается эвфонией, аллитерацией и ассонансами. Подобная черта славянского перевода связана с пристальным вниманием переводчиков к акустической стороне песнопений.

Однокорневой повтор в тексте гимнов мог выполнять и тематическую функцию, выделяя ключевые для текста слова. Насыщение текста однокоренными словами вело к образованию гиперонимов. Использование однокорневого повтора в ряде случаев позволяет выразить смысл отрывка удачнее, чем в самом греческом оригинале.

Использование приемов акустической организации поэтического текста: анаграмм, аллитераций, эвфонии, способствовало полному слиянию формы и содержания, слова и образа. Переводчики Триоди стремились не только воспроизвести словесный орнамент, свойственный оригиналу, но и создать свой неповторимый рисунок, используя изобразительные возможности родного языка.

В тексте Триоди широко используются приемы ритмической организации текста - синтаксический параллелизм и рифма. Синтаксический строй гимнов с его параллелизмом и стилистической симметрией оказывал существенное

влияние на становление системных отношений в славянском языке. В тексте Казанской Триоди синкретичная лексика древнейшего перевода уточняется, ключевые слова при синтаксическом параллелизме часто являются полными синонимами. Параллелизму сопутствует рифма, использовать которую славянские переводчики могли и без опоры на греческий оригинал, что связано с повышенным вниманием переводчиков к структурным отношениям внутри стиха (антитеза, синонимия, антонимия, перечисление).

В Заключении обобщаются основные выводы реферируемого диссертационного исследования в соответствии с поставленными задачами.

Произведения различной жанровой природы, переведенные в одно время, имеют определенный набор поддающихся кодификации инвариантных признаков. В области словоупотребления, техники перевода, характерных особенностей словообразовательных и синтаксических моделей, наблюдаются систематические совпадения между текстом паримий и гимнов Казанской Триоди.

В тексте обоих жанров наблюдается тенденция к замене описательных выражений и простых слов, свойственных тексту старого перевода, кальками и сложными словами по греческим образцам. С особой стилистической ролью *composita* связано количественное распределение сложных слов в составе различных жанров Цветной Триоди и их качественный состав: наибольший процент *composita* характерен для языка гимнографических произведений, активное образование сложных слов связано с формированием богословской терминологии, строго соответствующей греческой.

В области синтаксиса наблюдается неуклонный рост конструкций, по форме соответствующих греческим. Одни и те же типы грецизированных конструкций в различных жанрах Казанской Триоди различаются по функциям в тексте. Так, в тексте гимнов конструкции с *-иже* получают дополнительную стилистическую, эмфатическую нагрузку. Ряд синтаксических особенностей позволяет включить «евфимиевскую» редакцию Триоди в один историко-культурный контекст с переводами XIV века, уже привлекавшими внимание ученых: переводом Псалтыри, служебной Минее, паримийной версией книги Исход.

Новый перевод богослужебных книг, возникший под непосредственным византийским влиянием, явился составной частью литературного процесса «второго южнославянского влияния» в Московской Руси: как показало исследование, ранние и поздние сербизмы и болгаризмы в тексте нового перевода, в эпоху «второго южнославянского влияния» отмеченные в оригинальных произведениях [Филин, 1949], замещают ряд соответствий древнейшей редакции. Архаизаторские устремления редакторов отразились в создании искусственных образований по старославянским образцам (оуцъпмоути 'умереть'). Возвращение языка к первоначальной чистоте, свойственной ему в старых переводах Кирилла и Мефодия [Радченко, 1898], в паримиях Триоди в ряде случаев осуществлялось путем восстановления синонимических рядов кирилло-мефодиевских переводов. Бурный рост сложных

образований в письменности XIV - XV века также находится в прямой связи с новым переводом богослужебных книг, в том числе и Цветной Триоди.

Взаимоотношения между славянским переводом и его греческим оригиналом отличались достаточной сложностью. Большой свободой отличается перевод гимнов, отступления от оригинала встречаются в нем гораздо чаще. На всех этапах славянские переводы богослужебных текстов, за исключением незначительного числа досадных оплошностей, демонстрируют превосходное понимание переводчиками греческих оригиналов, знание Священного Писания и богословия. Наблюдения над текстом Цветной Триоди позволяет сделать выводы о подвижности границ, существующими между различными жанрами церковно-книжной письменности. В основу поэтической структуры гимнов был положен синтаксический параллелизм ветхозаветных писаний с его дублетами и триплетами, синонимическими и однозначными выражениями. Многие риторические приемы также унаследованы христианскими писателями от текстов Ветхого Завета. Текст гимнов создавался варьированием формул Св. Писания, в соответствии с последним книжник-переводчик и «исправлял» исходный греческий текст. Общность формульного состава допускала возможность обратного влияния текста гимнов на библейский текст. На переводчика оказывали влияние ветхо- и новозаветные аллюзии, отечественные образцы ораторского искусства. Объединение различных жанров в памятниках анфиладного типа, подобных Триоди, способствовало взаимодействию формул различного происхождения, стиранию границ между жанрами.

Проведенное исследование позволило во многом реабилитировать переводы святоливьской эпохи, которые обычно оценивались исследователями значительно ниже, чем кирилло-мефодиевские. Основная тенденция, идущая от первых славянских переводов с греческого, была унаследована и новыми переводчиками и редакторами - это широкая вариативность и осмысленное, творческое отношение к переводимому тексту. Отдельные недостатки не снижают высокого достоинства нового перевода Цветной Триоди, с успехом выполнившего стоящие перед ним задачи.

**По теме диссертации опубликованы следующие работы автора:**

1. Текстовые особенности стихир // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни: Ч. 2. - Казань, 1992. - С. 54-55.
2. Варьирование в разновременных переводах Ветхого Завета и интерпретация сакрального текста (на материале паримийных чтений) // Материалы казанской церковно-научной конференции « Христианская история и культура на пороге третьего тысячелетия » (4-7 октября 1999 года). - Казань, 2000. - Изд-во Казан. духовной семинарии - С. 189 - 196.
3. Особенности перевода гимнографических текстов в составе Цветной Триоди XV в. // Православный собеседник. - Казань, 2000. - № 2. (в печати)
4. О некоторых особенностях славянского перевода гимнов (на материале гимнографических текстов Триоди Цветной, рукописи XV в. из фондов библиотеки Казанского университета. - (в печати).

*Чел*



2-00

Издательство «ГранДан».  
420059, г.Казань, Оренбургский тракт, 3.  
Тел./факс (8432) 37-26-17

Лицензия МИИП на полиграфическую деятельность № 0142 от 20.11.98 г.

Формат 60х84  $\frac{1}{16}$  Тираж 80 экз.  
Заказ № 04-1/11 от 4.11.2000. Бумага офсетная.

Отпечатано с готового оригинал-макета  
на ризографе издательства «ГранДан»